

ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

БК

Редьярд
Киплинг

СКАЗКИ

СТАРОЙ
АНГЛИИ

«АЗБУКА»

Детская библиотека. Большие книги

Редьярд Джозеф Киплинг

Сказки старой Англии

«Азбука»

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Киплинг Р.

Сказки старой Англии / Р. Киплинг — «Азбука», — (Детская библиотека. Большие книги)

ISBN 978-5-389-34413-6

Редьярд Киплинг – знаменитый писатель, поэт и новеллист, первый англичанин, получивший Нобелевскую премию по литературе. Пожалуй, редко у кого столь удачно складывалась литературная судьба, как у Киплинга: его произведения восторженно принимались критикой, гонорары оказывались рекордными, при жизни автора было издано четыре собрания сочинений – случай поистине уникальный. «Сказки старой Англии» – сборник самых известных наряду с «Книгой Джунглей» произведений Киплинга. Они были переведены на двадцать семь языков и считаются предтечей современного жанра фэнтези! В книгу вошли сказочные повести и рассказы из сборников «Пак с Волшебных Холмов» и «Подарки фей». В увлекательных историях проказливого эльфа Пака сплетаются воедино реальность, мифология, фольклор и волшебство, создавая неповторимую атмосферу старой доброй Англии. Произведения публикуются с классическими графическими работами художников Харольда Роберта Миллара и Чарльза Эдмунда Брока. Издание также украшают иллюстрации Артура Рэкема и Фрэнка Крэйга.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-34413-6

© Киплинг Р.

© Азбука

Содержание

От Бэрваша до Баттла: Тропой Киплинга по Волшебным Холмам	8
Пак с Волшебных холмов	14
Меч Виланда	14
Песня Пака	14
Деревья Англии	28
Молодёжь в поместье	30
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Редьярд Киплинг
Сказки старой Англии
Рассказы, сказки

© М. Я. Бородицкая, перевод, 2026

© Г. М. Кружков, перевод, статья, примечания, 2026

© Т. Н. Чернышёва, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Редьярд Киплинг

СКАЗКИ СТАРОЙ АНГЛИИ

От Бэрваша до Баттла: Тропой Киплинга по Волшебным Холмам

Была у меня одна авантюрная мысль: прежде чем начать переводить книгу о Паке с Волшебных Холмов, побывать в тех краях, которые описывает Киплинг. Это окрестности деревушки Бэрваш в графстве Сассекс. Там сейчас дом-музей, и хотя времена изменились, но места по-прежнему захолустные, глухие, и кто знает: вдруг и мне повезёт встретиться с этим старым английским лешим, шутником и проказником Паком? Почему бы и нет! Разве мы не сроднились с ним, хотя бы отчасти, ещё пятнадцать лет назад, когда я перевёл балладу про Робина Весельчака – а это и есть одно из прозвищ Пака. В стихах он говорит от первого лица, похвально своей ловкостью и важным положением в волшебном мире духов:

Князь Оберон – хозяин мой,
Страны чудес верховный маг.
В дозор ночной, в полёт шальной
Я послан, Робин Весельчак.
Ну, кутерьму
Я подыму!
Потеха выйдет неплоха!
Куда хочу,
Туда лечу,
И хохочу я:
– Ха-ха-ха!

Книга Киплинга начинается с того, что Дан и Уна дают спектакль по шекспировской пьесе «Сон в летнюю ночь», причём Дан играет Пака. И настоящий Пак не выдерживает, является к ним, чтобы показать, как надо исполнять его роль. Может быть, если я продекламирую балладу о Робине там же, у склона Волшебного Холма, он снова вылезет, чтобы меня поправить? Как знать! Один полководец говорил: сперва вяжемся в бой, а там посмотрим.

Конечно, я всё заранее изучил по карте: где какие холмы и горы, в какой стороне море и древний замок Пэвенси и как далеко от Бэрваша до поля битвы при Гастингсе, откуда нормандский воин сэр Ричард с саксонцем Хью вместе добирались до его поместья, причём раненый Хью шёл пешком, а сэр Ричард ехал верхом. Они шли полдня через холмы и долины, днём и в лесной темноте и лишь к полуночи добрались до цели. Приложив линейку к карте и учтя масштаб, я определил, что это не больше пятнадцати миль, следовательно, если я буду проходить в час, скажем, по три мили, то я могу одолеть это расстояние за пять часов. Мне казалось, что я обязан оттопать собственными ногами путь Ричарда и Хью, – лишь тогда мне по-настоящему откроется дух этой книги, дух славной истории Англии.

Итак, я наметил себе – после киплинговского музея, как бы на закуску – пешеходную прогулочку до Баттла. Это имя, собственно, и означает «битва»; ведь нормандские войска под предводительством герцога Вильгельма только высадились с кораблей при Гастингсе, а само сражение с Гарольдом Смелым и его саксонским войском произошло намного севернее, где сейчас город Баттл и древнее Баттлское аббатство.

Кстати, о названии самого дома Киплинга. Он зовётся Бейтманз-Хаус, что, вероятно, происходит от древнеанглийского слова «батман» – моряк. Так и будем его величать: Батман, или Дом Моряка.

* * *

Я поделился своими планами с Хилари и Полом – друзьями, у которых я гостил в Лондоне. Дескать, субботу и воскресенье собираюсь посвятить паломничеству по киплингским местам. И примерно описал свой будущий маршрут.

– К чему так сложно – метро, вокзал, поезд, автобус? – сказал Пол. – В субботу я еду с друзьями по цветочки в Западный Сассекс. Выедем пораньше, заброшу тебя по дороге в Бэрваш.

Тут мне хочется объяснить, что значит для Пола поехать «по цветочки». Если вы думаете, что речь идёт о каких-нибудь букетах, венках из одуванчиков и прочих сентиментальных вещах, то это, конечно, вздор! Пол – любитель-ботаник, его цель – найти редкое растение. Не сорвать, упаси боже, а просто увидеть, может быть, сфотографировать, записать в блокнот. Вот уж кто неутомимый ходок! Чем дальше приходится идти «по цветочки», тем ценнее. Лучше всего по горам. Поэтому в отпуск Пол уезжает туда, где местность подичее и покруче, – в Уэльс, в Анды, в Гималаи. С фотокамерой и определителем растений.

«Я дружкой был, как выстрелом, разбужен», – сказал кто-то из поэтов. Вот именно что как выстрелом. Это при моей-то привычке поспать подольше! Ещё и жаворонки не пели (а поют ли они вообще в Ричмонде – вот вопрос), как мне пришлось вскакивать на ноги и, наскоро проглотив чашку кофе, залезать в машину. И мы помчались!

Ехать с Полом – это запоминается на всю жизнь. Дело в том, что мой друг Пол – человек совсем особенный: он всё делает в два раза быстрее, чем другие люди. Одевается ли он, готовит завтрак, звонит по телефону, читает карту или газету, ходит, умывается, ремонтирует калитку – всё у него происходит в другом темпе, чем у простых смертных. Кажется, что и часы у него на руке тикают в два раза быстрее. Однако, пока дело касается таких простых вещей, это ничего и даже мило. Но вот вы садитесь с ним в машину и вдруг осознаёте, что и машину он водит в два раза быстрее, чем другие люди! А это уже не шутка.

Один наш общий друг после совместной экскурсии с Полом (в течение которой он как-то судорожно острил на заднем сиденье, крест-накрест пристегнувшись ремнями безопасности) признался мне потом по секрету, что всю дорогу вспоминал, какие он дела успел доделать, а какие так и останутся навек недоделанными...

А я думал совсем о другом. В то раннее утро, пока мы с Полом летели по узким английским просёлкам, я перенёсся мыслями на сто лет назад, в октябрь 1899 года, когда мистер Хармсворт, основатель газеты «Дейли мейл» и друг Киплинга, впервые подкатил к его дверям на одном из первых в Англии авто. В ту пору семейство Киплинг было озабочено подысканием дома в деревне, чтобы поселиться там всерьёз и надолго. Автомобиль показался им идеальным средством поисков.

Это была двадцатиминутная прогулка. Вернулись мы белые от дорожной пыли, оглушённые шумом двигателя. Но с того часа отравы начала действовать. Вскоре с помощью какого-то брайтонского агентства мы наняли одноцилиндровый, ременно-приводной, с каретными рессорами и откидным верхом «эмбрио», который мог развивать скорость до восьми миль в час. Это стоило (включая оплату водителя) три с половиной гинеи в неделю. Наша дорогая тётушка, не боявшаяся ничего на свете, воскликнула: «А как же я!» Так что в наши поисковые экспедиции мы стали ездить втроём... Вместе с горсткой других отчаянных первопроходцев нам пришлось принять на себя первый взрыв общественного негодования. Графы, привставая в

своих изящных ландо, бросали нам вслед ужасные проклятия. Цыгане, дамы в двуколках, пивовары на тяжёлых фургонах – казалось, весь мир (за исключением несчастных терпеливых лошадей) громогласно возглашал нам анафему...

Спустя некоторое время я купил машину с паровым двигателем, называвшуюся «локомобиль»... Она довела нас до грани полного изнеможения и истерики... Именно на этом злосчастном «локомобиле» мы и подъехали впервые к Дому Моряка.

Р. Киплинг. Кое-что о себе. 1936

Когда мы подъехали к Бейтманз-Хаус на своём серебристом пикапе, было ещё довольно рано. Абориген в резиновых сапогах и с палкой в руке объяснил нам, что музей откроется в десять. За идеально подстриженной зелёной изгородью виднелся огромный дом постройки шестнадцатого века. Напротив, через дорогу, рос высоченный дуб, ровесник дома, а рядом на зелёном выгоне паслись два симпатичных белых ослика. Это были «киплинговские» ослики; они не возили телег, а просто жили здесь по традиции как живые экспонаты. Мы не замедлили сфотографироваться вместе с ними.

Наши четвероногие спутницы Полли и её дочка Нелл, выскочив из машины, с ликованием носились вокруг. Их древняя кровь – они принадлежали к редкой спаниельской породе с чудным названием «кавалеры короля Карла» – почуяла родную обстановку: тут пахло веком Якова Стюарта и Карла Первого.

Мы подошли к мостику и заглянули вниз – густая зелень деревьев скрывала ручей. Тот самый, по которому плавали Дан и Уна!.. И я вновь обернулся, чтобы полюбоваться домом.

С первого момента, едва Киплинг со своей абордажной командой увидели этот дом, решение было принято. «Это он! Он! Единственный и неповторимый!» – шепнула им Судьба.

Мы вошли и сразу почувствовали, что его дух – фэн-шуй – благоприятен. Мы прошли по всем комнатам и нигде не обнаружили ни тени застарелой тоски или притаившихся бед, никакое зло не витало над этим домом, хотя его «новой» части было уже триста лет.

К сожалению, хозяин дома сказал им, что он только накануне сдал усадьбу на двенадцать месяцев. Они продолжали поиски – или делали вид, что продолжали, – но через год, едва дом освободился, поехали и моментально его купили.

Когда сделка совершилась, продавец сказал: «А теперь позвольте вас спросить. Как вы собираетесь добираться на станцию и обратно? Это около четырёх миль, и чтобы взобраться в гору, мне приходилось пристёгивать вторую пару лошадей». – «Я рассчитываю вот на это хитроумное изобретение», – отвечал я с сиденья своего „ланчестера“. – «Да ну, это несерьёзно», – хмыкнул хитрец. Лишь годы спустя, когда мы встретились вновь, он признался, что если бы знал то, что я уже тогда предвидел, то запросил бы с меня вдвое дороже. Через три года мы и вспоминать перестали о железнодорожной станции. А через семь лет мой шофёр в ответ на сетования какого-то гостя, приехавшего в маломощной «жестянке», сделал большие глаза: «Холмы? Да нет на Лондонской дороге никаких холмов».

Между прочим, я потом видел последнюю машину Киплинга в его гараже – «роллс-ройс» тридцатых годов, огромный, как броневик. Лауреат Нобелевской премии, он мог себе позволить такую роскошь.

Музей, как и обещали, открылся в десять. К тому времени Пол и его лохматые подруги, попрощавшись со мной, укатили на встречу с друзьями-ботаниками, а я, осмотрев дом – действительно добрый и совсем не мрачный, несмотря на старинную тяжёлую мебель, – поднялся в кабинет директора, чтобы попросить его показать карту усадьбы и её окрестностей. Если таковая найдётся.

Таковая нашлась. Я наспех перечертил себе в блокнот основные ориентиры: Мельничный ручей, саму Мельницу, Волшебный Холм, Омут Выдры и так далее. Это всё реальные места вблизи киплингского дома, перекочевавшие потом на страницы его книг.

О деревушке в один ряд домов, что на холме, мы знали только, что её жители происходили от контрабандистов и овцекрадов, более или менее остепенившихся за последние три поколения...

Среди местных старожил был один, лет семидесяти, браконьер по наследству и по призванию... вскоре он стал нашим важным советчиком и опорой. В поздние свои годы – а дожил он до восьмидесяти пяти лет – старик любил вспоминать прошлое (вроде как я сейчас), и рассказов его хватило бы на много томов. Он говорил о любви, драках, кознях, об анонимных доносах неких «грамотеев» и о мстительных заговорах, осуществлённых с восточным коварством. О браконьерстве он знал всё... Его саги были украшены картинами Природы, описаниями ночей и рассветов, таинственных возвращений и гениальных алиби, придуманных нагишом у очага, пока сушится одежда, и о новых вылазках под покровом сумерек. Его жена, привыкнув к нам за десять лет, могла порассказать многое о своём прошлом, включая волшебство, колдовство и приворотные зелья, пользовавшиеся спросом в округе вплоть до шестидесятых годов... Она умерла в возрасте девяноста лет и до конца сохранила такт, манеры и даже, несмотря на свой маленький рост, осанку настоящей герцогини.

Таковы были прототипы сторожа Хобдена и его жены. Что касается замысла всей книги, то он рос постепенно, по мере того, как писатель осознавал, сколько пластов истории, сколько загадок и сюжетов таит в себе земля, на которой он поселился. Началось с пустяков. Однажды рыли колодец и на глубине семи метров нашли курительную трубку времён короля Якова и латунную ложку кромвелевского солдата, а ещё ниже – бронзовый нащёчник от римской конной узды. Во время очистки пруда вытащили две елизаветинские пивные кружки и – из гущи придонного ила – топор каменного века «лишь с одной щербинкой на по-прежнему грозной полированной кромке».

Вот почему Киплинг ничуть не удивился, когда его кузен Амброуз Пойнтер предложил ему написать повесть о римском владычестве в Англии. «Пусть там будет старый центурион, рассказывающий детям о том, что ему довелось пережить».

«А как его звали?» – немедленно спросил я, любя во всём конкретность. «Парнезий», – ответил кузен, и это имя застряло у меня в голове...

У самого края нашей земли, в маленькой долине, ведущей из ниоткуда в никуда, лежала большая гряда заросшего бурьяном шлака – развалины древней кузницы, бывшей в деле, вероятно, со времён финикийцев и римлян вплоть до середины восемнадцатого века. Дрок и папоротник всё ещё скрывали разбросанные железные чушки, и если снять несколько дюймов обгрызенного кроликами дёрна, можно было увидеть прорыжельный, прокалённый насквозь грунт и две узкие колеи от плавильной печи, построенной ещё в елизаветинские времена. Дорога-призрак, которая начиналась тут, в этой мёртвой ложбине, и, выбравшись наверх, пересекала наши поля, была известна в округе как

«Пушечный волок» и обычно связывалась с памятью о Великой армаде. Казалось, каждый уголок этой земли кишел призраками и тенями. Вскоре нашим детям вздумалось исполнить для нас отрывок из «Сна в летнюю ночь» – прямо под открытым небом. А потом один наш друг подарил им лодку из берёзовой коры, с осадкой в воде около трёх дюймов, и они занялись исследованием ручья. А на ближайшем к нам заливному лугу лежали загадочные Ведьмины кольца.

Видите, как терпеливо перетасовывались карты и как они сами ложились мне в руки? Старые духи нашей Долины вмешивались так или этак во все наши дела. Земля, Вода, Воздух и Люди как будто сговорились (теперь-то я вижу), чтобы дать мне вдесятеро больше материала, чем я мог использовать, если бы даже я писал полную историю Англии – в той мере, в какой она коснулась наших мест.

Обе киплинговские книги о Паке (как раньше его же «Книга Джунглей») имели триумфальный успех. Уже при жизни писателя они были переведены на двадцать семь языков! А начиналось всё здесь, в этой маленькой долине, у подножия этого холма, на берегах Мельничного ручья, вдоль которого ведёт экскурсионная тропинка с калиткой и указателем: «Продолжение осмотра». А вот и Малая Мельница – «самое распрекрасное место» для игр в дождливый день. Она отреставрирована умельцами из окрестных мест – тщательно и совершенно бескорыстно. Картины и схемы на стенах рассказывают о мукомольных колёсах и жерновах. Всё в порядке, всё как должно быть; и только никто больше не огласит чердак кровожадным пиратским кличем и никто не высунется из маленького «Утино окошка» посмотреть, перестало ли моросить на улице или нет. Есть туристы, приходящие сюда «вразброд и парами», есть лавочка сувениров внизу, неподалёку от входа, есть даже я, невесть каким ветром занесённый сюда гость из России. И только нет девочки Элси и мальчика Джона – тех самых Уны и Дана, встречавшихся здесь с Паком, с Гэлом Чертёжником и с Хобденом...

Они были погодки, Элси и Джон, она родилась в 1896 году, а он – в 1897-м. Значит, сколько ему было, когда он погиб во Фландрии, в бою при Лоосе 27 сентября 1915 года? Восемнадцать лет.

Я выхожу и смотрю – сперва на солнце, потом на часы. Уже около двух, пора в путь. С лёгкой сумкой на плече и с картой в руке я иду сперва по тропе, а потом по асфальтовой узкой дороге через холмы – чем дальше, тем пустыннее кругом.

Сельская глубинка – холмы и леса, и очень редкие следы жилья. Я запыхался скорей, чем думал. Тут вот в чём секрет: когда развёртываешь карту на столе и на коленях, дорога кажется короткой, как мизинчик, и плоской. А когда начинаешь шагать, она вдруг забирает вверх – да так круто, как нос фрегата, идущего против ветра в шторм! – а потом скатывается вниз – и снова вверх – и снова вниз... В общем, выходит совсем не то, что идти по равнине. И хотя с холмистых вершин открывается захватывающий вид на центральный гористо-лесистый Сассекс (Вильд – старинное название этого края), но через три часа я понял, что всё-таки необходимо схитрить.

В конце концов (подумал я), пройдено уже больше половины пути, и, если я сейчас проголосую и доеду до Баттла на попутке, кому какое дело? Можно будет рассказывать, что проделал весь путь пешком, и я имею на это моральное право, потому что, во-первых, уж больно горки крутые, и во-вторых, осталось каких-то миль шесть – мелочь, которая принципиального значения не имеет.

Приняв такое решение, я стал оглядываться на ходу и делать всякие приветливые знаки обгонявшим меня машинам. Машин шло мало: три-четыре за час, не больше. Очень скоро стало ясно, что занятие это бесперспективное, никто не станет останавливаться на пустынной

дороге: идёшь себе и иди, раз тебе надо. Логично. Вскоре я отчаялся голосовать – и сразу взбодрился. Я шагал с какими-то новыми силами в душе и в ногах, горланя разные стихи и песни. В том числе и балладу о Паке:

С тех пор как Мерлин-чародей
На свет был ведьмою рождён,
Известен я среди людей
Как весельчак и ветрогон.
Но кончен час
Моих проказ,
И с первым криком петуха
Меня уж нет,
Простыл и след,
Ищите ветра:
– Ха-ха-ха!

И тут очередная машина (я сошёл на обочину, чтобы пропустить её) неожиданно остановилась.

– Вас подвезти?

Я не заставил себя упрашивать и, поблагодарив, сел рядом с водителем – весьма пожилым джентльменом с рыжей бородкой и ручьи́сто-голубыми глазами. Разговорились, как водится. Я назвал своё имя, а он своё.

– Даллингтон? – с удивлением переспросил я. Так называлось поместье, которое Хью получил от де Акилы.

– Дик Даллингтон, именно так. Я ведь из этих мест.

Оказывается, он заприметил меня ещё раньше, у киплинговского дома, куда приезжал навестить внука, работающего в музее. Мистер Даллингтон и сам проработал в нём много лет, а теперь на пенсии.

Он удивился, узнав, что я из Москвы. Из такого далека! Откуда же вы знаете здешние места? Ах да, карта. И компас. Чудеса!

– А я живу в Баттле, – поведал он. – Битва при Гастингсе, слышали? Там есть экскурсии в Баттлском аббатстве. Показывают место битвы. Вы можете успеть, они закрываются позже.

Через каких-нибудь десять-пятнадцать минут мы были в Баттле, и мой чудный старик подкатил прямо к кассе музея. Я спросил его, не хочет ли он составить мне компанию.

– Да нет... я там бывал – давно... – загадочно ответил он и уехал.

Григорий Кружков

Пак с Волшебных холмов

Меч Виланда

Песня Пака

Вон, видишь, через дальний луг
Неровный след ведёт?
Там пушки волокли на юг —
Встречать испанский флот!

Вон, видишь, жернова стучат
На ближнем бережку?
Лет восемьсот ещё назад
Мололи здесь муку.

Вон там, среди густых дубрав,
В ложине под горой
Саксонцы в бой пошли, прорвав
Норманнов тесный строй!

Вон там, за той грядой холмов,
Где ветер и туман,
Альфред с ватагой храбрецов
Громил и гнал датчан.

А там, на склонах, где стада
(И в каждом – рыжий бык),
Там город был, ещё когда
И Лондон не возник!

Полуразмытый видишь вал,
За ним – крутой обрыв?
Там Цезарь лагерем стоял,
Из Галлии приплыв.

А видишь, вьётся по холмам
Загадочный зигзаг?
То каменного века шрам,
Стоянки древней знак.

Забытый храм, заросший след
Средь высохших болот,
И дух веков, и прах побед —
Здесь Англия живёт!

Не просто луг, не просто лес,
Не остров, не страна —
Край Мерлина, земля чудес
В наследство нам дана.

Зрителями были три коровы. Ребята разыгрывали перед ними «Сон в летнюю ночь» Шекспира. Конечно, не целиком: всю комедию они бы не смогли запомнить; но отец сильно сократил её, сделав из большой пьесы маленькую, и дети репетировали с ним и матерью до тех пор, пока не выучили свои роли наизусть.

Они начали с того места, когда ткач Основа выходит из кустов с ослиной головой на плечах и застаёт королеву фей Титанию спящей. Затем они переходили к той сцене, где Основа просит трёх маленьких феечек почесать у него в голове да ещё принести ему лесного мёду, а заканчивали там, где он засыпает в объятиях Титании. Дан играл за Пака, за Основу и за всех трёх феечек. Пака он представлял в матерчатой шапочке с пушистыми острыми ушками, а Основу – в ослиной голове из бумажного абажура, оставшегося от Рождества; приходилось играть очень осторожно, чтобы голова не лопнула. Уна – в венке из синего водосбора с волшебной палочкой из наперстянки – исполняла роль Титании.

Театр располагался на лугу, который назывался Длинным Скотом. Узкий Мельничный ручей, доставлявший воду на ближайшую Мельницу, огибал его с одного угла, и как раз напротив излучины лежал Ведьмин Круг – большой круглый участок пожухшей травы, который и служил ребятам сценой. Берега ручья, заросшие ольхой, ивой и шиповником, образовывали естественные кулисы, где было удобно дожидаться своего выхода. Сам Шекспир (так сказал один взрослый, видевший это место) не придумал бы лучшей декорации для своей пьесы.

Разумеется, детям не разрешили давать представление ночью – в ту самую колдовскую Купальскую ночь, когда и происходят все чудеса у Шекспира; но они выбрали час после полдника, на склоне дня, когда тени растут, – и отправились на луг, захватив с собой кое-что перекусить: хрустящее печенье, крутые яйца и соль в пакетике.

Три коровы, уже подоенные, целеустремлённо паслись, оглашая луг мощным чавканьем, и вдали раздавался шум работающей мельницы, похожий на шлёпанье босых пяток по утоптанной дороге. Обленившаяся июльская кукушка изредка пыталась подать голос с перекадины ворот, да хлопотливый зимородок то и дело перелетал с одной стороны ручья на другую. За исключением этого, вокруг царили тишь и дрёма, пахло таволгой и нагретой сухой травой.

Спектакль удался на славу! Дан замечательно помнил все свои роли: Пака, Основы и трёх феечек, и Уна не сбилась ни разу – даже в том трудном месте, где она велит кормить Основу «плодами спелых фиг и абрикосов, крыжовником, клубникой, куманикой» – ну и так далее. Они были так воодушевлены, что сыграли пьесу три раза подряд – от начала до конца. Потом присели на траве в центре Ведьминога Круга на чистом от колючек месте и достали ужин; как вдруг чей-то свист раздался в прибрежном лозняке, так, что они сразу вскочили на ноги и обернулись.

Кусты раздвинулись. И вот, на том самом месте, где Дан играл Пака, они увидели маленького смуглого широкоплечего человечка с острыми ушами, вздёрнутым носом, косящими голубыми глазами и ухмылкой, от уха до уха расплывавшейся по его лукавой веснушчатой физиономии. Он вдруг посуровел, наморщил лоб, как будто бы застал Буравчика, Рыло и Основу за репетицией «Тисбы и Пирама», и голосом гулким, как мычание недоеной коровы, продекламировал:

– Что за невежи этак расшумелись
Вблизи от ложа королевы фей?

Он остановился, приставил ладонь к уху и, хитро подмигнув, продолжил:

– Никак дают комедию? Ну что же!
Послушаю – а то и сам сыграю.

Ребята смотрели на него, раскрыв рот от удивления. А человечек – он был не выше Данова плеча – невозмутимо вошёл внутрь Круга.

– Я нынче не совсем в форме, – сказал он. – Но роль мою нужно играть примерно так.

Всё ещё онемев, ребята разглядывали его всего – от тёмно-синей шапочки, похожей на цветок водосбора, до босых мохнатых ног.

– Ну что вы так уставились? – спросил он, рассмеявшись. – Такой уж я есть. А вы каким ожидали меня увидеть?

– Мы никого не ожидали, – вымолвил наконец Дан. – Это наше поле.

– Неужели? – удивился пришелец, усаживаясь на траву. – Так какого же лешего вы трижды подряд сыграли «Сон в летнюю ночь» в канун колдовской Купальской ночи, в середине Ведьминого Круга, да ещё у подножия одного из самых старых холмов Старой Англии? Это же Холм Пака – Волшебный Холм. Вы что, и этого не знали?

И он указал на пологий, заросший папоротником склон холма на другой стороне Мельничного ручья. Дальше по склону начинался лес, а за ним виднелись холмы ещё выше – вплоть до Сигнальной Горы высотой не меньше 500 футов, откуда открывался широкий вид на равнину Пэвенси, и на Ла-Манш, и на отдалённые всхолмья Саут-Даунз.

– Клянусь Дубом, Ясенем и Тёрном! – весело воскликнул он. – Если бы это случилось несколько лет назад, весь Народ С Холмов слетелся бы сюда, как пчелиный рой!

– Мы не знали, что так делать не годится, – смутился Дан.

– Не годится?! – Человечка просто затрясло от смеха. – Ещё как годится! Да понимаете ли вы, что все короли, рыцари и учёные в прежние времена отдали бы все свои короны, шпоры и книги, чтобы научиться тому, что вы сейчас невзначай совершили. Да помогай вам сам волшебник Мерлин, и то не вышло бы лучше. *Вы разверзли Холмы* – понимаете? Такого не случалось тысячу лет.

– Мы... мы не нарочно, – пролепетала Уна.

– Вот именно, что не нарочно! Поэтому у вас и получилось. Жаль только, что Народ С Холмов давно покинул эти места. Я единственный, кто остался. Я, Пак, старейший из старых духов Англии – к вашим услугам. Конечно, если вам угодно знаться со мной. Если же нет, достаточно слова, и я исчезну.

Он замолчал, испытующе глядя на ребят. Глаза его были теперь очень добрыми и серьёзными, лишь в уголках губ таилась озорная улыбка.

– Не уходи, – сказала Уна, протягивая ему руку. – Ты нам нравишься.

– Угощайтесь, – предложил Дан и протянул Паку помятый кулёк с яйцами и печеньем.

– Клянусь Дубом, Ясенем и Тёрном! – вскричал Пак, сдёргивая с головы свою синюю шапочку. – Вы тоже мне нравитесь. А ну-ка, Дан, посоли мне это печенье, да покруче, и мы съедим его пополам, чтобы развеять все сомнения. Видишь ли, некоторые из наших боятся соли, или подковы над дверью, или рябиновой ветки, или проточной воды, или холодного железа, или колокольного звона. Но я – другое дело, я – Пак, и этим всё сказано!

Он тщательно отряхнул крошки – сперва с курточки, а потом с ладоней.

– Мы с Даном всегда думали, что если такое случится... ну, такое, – нерешительно произнесла Уна, – то уж мы никогда не растеряемся. Но теперь...

– То есть если мы встретим фею или эльфа, – пояснил Дан. – Правда, я в них никогда не верил. Разве что в детстве, когда мне ещё не было шести лет.

– А я верила, – призналась Уна. – Ну, наполовину верила. Ещё до того, как выучила наизусть «Прощание с феями». Знаете это стихотворение?

– Про подарки фей – ты это имеешь в виду? – уточнил Пак. Он торжественно откинул назад голову и продекламировал:

Где вы теперь, подарки фей,
Где добрые хозяйки?

Теперь живут всех веселей
Неряхи и лентяйки.

(Подхватывай, Уна!)

Что толку холить свой очаг,
О чистоте радея?
Ведь шестипенсовик в башмак
Вам не подложит фея.

Звучное эхо раскатилось над лугом.

– Ещё бы мне не знать! – заключил Пак, довольный произведённым эффектом.

– Там был ещё куплет о кольцах и кругах, – вспомнил Дан. – Мне всегда становилось грустно, когда доходили до этого места.

– Ну как же! Помню! – И голосом громким, как церковный орган, Пак продолжил стихи:

На этих кольцах и кругах,
По их волшебной вере,
Они плясали на лугах
В дни королевы Мэри.
Но вот пришла Элизабет,
За ней – суровый Яков,
И затерялся эльфов след

Меж лютиков и маков.

– Давно я не слышал этой баллады, да что уж говорить: всё так и есть. Народ С Холмов покинул эти места. Я помню, как они появились в Старой Англии, и помню, как они исчезли. Великаны, тролли, водяные, лешие, гоблины, оборотни; лесные, древесные, земляные и водные духи, обитатели болот и пустошей, хранители кладов, всадники ночей, обитатели холмов, маленький народец, брауни и лепрешоны, гномики и бесенята... – никого из них не осталось! Но я пришёл в Англию вместе с Ясенем, Дубом и Тёрном, и только вместе с Ясенем, Дубом и Тёрном я уйду отсюда.

Дан окинул взглядом луг и увидел разом и любимый дуб Уны, росший возле полевых ворот, и цепочку ясеней вдоль мельничного пруда, где водилась выдра, и старый, с перекрученным стволом колючий тёрн, о который три коровы частенько чесали свои бока.

– Всё в порядке, – сказал он и добавил: – К тому же я посадил целую кучу желудей прошлой осенью.

– Выходит, что ты ужасно старый? – спросила Уна.

– Не то чтобы старый, а довольно-таки пожилой, как говорят в народе. Дай-ка сообщить... да, мои друзья выставляли мне на ночь мисочку молока, ещё когда только-только построился Стоунхендж. Задолго до того, как люди каменного века вырыли ров и насыпали вал в Чантобери.

– О! – воскликнула Уна, стиснув руки и энергично тряхнув головой.

– Она что-то придумала, – пояснил Дан. – Она всегда так делает, когда у неё рождается какая-нибудь идея.

– Я подумала... А что, если нам оставлять для тебя немного каши от ужина на чердаке? В детской могут заметить.

– То есть в классной, – быстро поправил Дан, и Уна покраснела: между ними уже давно существовал молчаливый уговор не называть больше классную комнату детской.

– Премного благодарствую, добрая душа! – ответил Пак. – В один прекрасный день из тебя выйдет славная, заботливая хозяйюшка. Но, право слово, я пока не нуждаюсь в подаянии. Если я когда-нибудь совсем останусь без куска хлеба, вот тогда я обращусь к вам, будьте уверены.

Он небрежно растянулся на сухой траве, и дети растянулись рядом с ним, беззаботно болтая в воздухе босыми ногами. Они почувствовали, что им нечего стесняться своего нового друга. С ним было так же просто, как со стариком Хобденом – сторожем. Он не докучал им взрослыми вопросами, не подшучивал над ослиной головой из бумаги, а просто лежал себе рядом и улыбался с понимающим видом.

– У вас есть нож? – спросил он немного погодя.

Дан передал ему свой складной ножик с одним лезвием, и Пак принялся вырезать кусок дёрна из самой середины Ведьминого Круга.

– Это для чего – для колдовства? – догадалась Уна, глядя на шоколадный с изнанки квадрат, выдернутый Паком за травяной чубчик.

– Вроде того, – отвечал он, вырезая ещё один такой же квадрат из дёрна. – Видите ли, я не могу просто так впустить вас в страну Народа С Холмов, хотя они и давно покинули эти края. Но если вы решитесь *воспринять от меня владение*, я смогу вам показать кое-какие необыкновенные вещи.

– Как это – воспринять владение? – с опаской спросил Дан.

– Это старый обычай, совершавшийся при продаже и покупке земли. Нужно было вырезать кусок дёрна и передать его из рук в руки – только тогда новый хозяин мог вступить во владение землёй. Вот так! – И он протянул ребятам куски дёрна.

– Но ведь это наш луг, – удивился Дан. – Ты что, хочешь отколдовать его себе?

Пак засмеялся:

– Да, конечно, это ваш луг. Но в нём заключено куда больше, чем вы или ваш отец можете себе вообразить. Ну, рискните!

Он перевёл взгляд на Уну.

– Я согласна, – сказала она. Дану осталось только последовать её примеру.

– Итак, по обычаю и закону, – торжественно, нараспев произнес Пак, – вы вступили во владение всей Старой Англией. Клянусь Ясенем, Дубом и Тёрном! – *вы можете всюду ходить и внимать и всё, что хотите, узреть и узнать*. Я буду вашим провожатым. Вы увидите то, что увидите, и услышите то, что услышите, – хотя бы это случилось три тысячи лет назад. И вы не будете ведать ни сомнений, ни страха. Ну, держитесь! Держитесь, что бы ни произошло!

Они зажмурились на минуту, но ничего не происходило.

– И что же? – разочарованно молвила Уна, открыв глаза. – Я думала, что появятся драконы.

– «Хотя бы это случилось три тысячи лет назад», – напомнил Пак и для убедительности сосчитал на пальцах. – Но три тысячи лет назад драконов, к сожалению, ещё не было.

– Вообще ничего не случилось, – сказал Дан.

– Не торопись, дуб не в год вырастает, – заметил Пак. – А Старая Англия будет постарше, чем двадцать дубов. Посидим-ка да подумаем. Я могу этак призадуматься хоть на сотню лет.

– Ну да, ты же эльф! – заметил Дан.

– Разве я хоть раз произнёс это слово? – резко спросил Пак.

– Нет. Ты говорил о Народе С Холмов, но ни разу не упомянул ни фей, ни эльфов.

– А как бы вам понравилось, если вас всё время называть «смертными», или «человечьим отродьем», или «сыновьями Адама», или «дочерьми Евы»?

– Совсем бы не понравилось, – отвечал Дан. – Так джинны и ифриты говорят в «Тысяче и одной ночи».

– Вот и мне не нравится, когда меня называют... этак. К тому же те, о которых вы толкуете, – придуманные существа, о которых Народ С Холмов и слыхом не слыхивал, – все эти жужелицы со стрекозиными крылышками, в прозрачных юбочках, с их сияющими звёздочками в волосах и волшебным жезлом, похожим на указку, которым они наказывают гадких мальчиков и награждают хороших. Знаю, знаю...

– Мы, конечно, не таких имели в виду, – смутился Дан. – Этих мы и сами терпеть не можем.

– Вот именно! – воскликнул Пак. – Неужели вы думаете, Народу С Холмов не обидно, когда его смешивают с этим размалёванным, робким и жеманным племенем самозванцев? Стрекозиные крылышки? Ха-ха! Видел я, как Сэр Хьюэн выезжал из замка Тинтаджел, отправляясь в Гибразильский поход. Ураган с юго-запада хлестал брызгами в лошадиные морды, и волшебные Кони С Холмов хрипели, вставая на дыбы. Улучив секунду затишья, они вырвались из замка, крича, как стая чаек, и тут же их отнесло за пять миль от берега, прежде чем им удалось развернуться лицом к ветру. Стрекозиные крылышки? Как бы не так! Это было колдовство – самое чёрное колдовство, какое только мог измыслить Мерлин. Всё море было в зелёном огне и белой пене, и девы морские пели над водами. А Кони С Холмов скакали по гребням волн при вспышках молний!... Вот оно как бывало в старину.

– Здорово! – воскликнул Дан, а Уна сказала, содрогнувшись:

– Хорошо, что они исчезли. Но всё-таки отчего Народ С Холмов покинул эти края?

– Так сразу не скажешь. Когда-нибудь я вам поведаю о том, что было причиной самого большого исхода. Но всё это произошло не вдруг. Они уходили постепенно в течение многих веков, один за другим. Многие были чужестранцами, им не подошёл наш климат. Эти ушли раньше всех.

– Когда же это случилось? – спросил Дан.

– Пару тысяч лет тому назад или больше. Дело в том, что сначала они были богами. Иных привезли с собой финикийцы, приплывавшие за оловом, других – галлы, юты, даны, фризы и англы. Кто только не высаживался на этих берегах. Они вторгались, их отражали и оттесняли обратно к кораблям; но пришельцы возвращались, и все они привозили с собою своих кумиров. Англия, прямо скажем, неподходящая страна для богов. Ну я-то с самого начала был таким же, как теперь. Миску каши, плошку молока да чуть-чуть попроказничать с деревенщиной, порезвиться – что мне ещё надо? Я местный, природный житель и всегда был с людьми запанибрата. Но тем, другим, требовалось, чтобы их почитали как богов, устраивали им храмы и алтари, приносили жертвы.

– Неужели они сжигали людей в плетёных корзинах, как нам рассказывала мисс Блейк? – спросил Дан.

– Жертвы бывали разные. Не обязательно людей – приносили в жертву коней, быков и свиней, а ещё медеглин – такое сладкое, липкое пиво из мёда. Я его терпеть не мог. Они были спесивы и заносчивы, эти древние идолы, Старые Боги. И что получилось? Даже в лучшие времена людям не нравится, когда их приносят в жертву, да и коня своего отдавать жалко. В конце концов люди просто-напросто покинули Старых Богов, крыши храмов провалились, и поневоле пришлось этим Старым Богам выбраться наружу да подумать о своём пропитании. Некоторые из них взяли моду затаиваться на деревьях или прятаться между могилами и оттуда стонать по ночам. Если долго и громко стонать, можно было добиться, что какой-нибудь пугливый селянин пожертвует курочку или фунт масла. Помню одну богиню по имени Белисама: она сделалась простой русалкой где-то в Ланкашире. Я знаю сотни таких случаев. Сперва – боги, потом просто Народ С Холмов, а потом и вовсе изгнанники, вынужденные покинуть Англию, потому что не сумели поладить с местным населением. Мне известен только один случай, когда кто-то из них остался и притом честно зарабатывал себе на жизнь. Его звали Виланд. Он был кузнец, выделывавший мечи и копья для других богов. Кажется, он хвастался родством со скандинавским Тором.

– С Тором из «Героев Асгарда»? – переспросила Уна: она читала эту книгу.

– Наверное, – ответил Пак. – Как бы там ни было, когда пришли тяжёлые времена, он не стал ни попрошайничать, ни воровать. Он работал; и мне однажды довелось оказать ему услугу.

– Расскажи нам об этом, – попросил Дан. – Мне бы хотелось послушать о Старых Богах.

Они устроились поудобнее, каждый – грызя свою травинку. Пак перевалился на бок, подпёр голову локтем и продолжал:

– Помнится, первый раз я встретился с Виландом в один ненастный ноябрьский день на равнине Пэвенси...

– Пэвенси? Это там, за холмом? – спросил Дан, показывая на юг.

– Да; в те времена там были сплошные болота – вплоть до Хосбриджа и Хайдни. Я стоял на Сигнальной горе (тогда она называлась Брунанбург), как вдруг увидел вдали желтоватое пожарище, какое бывает от горящих соломенных крыш, и отправился взглянуть, что там такое. Какие-то пираты – думаю, это были люди Пьёфна – жгли рыбацкую деревушку на побережье, и Виланд – здоровенный чёрный истукан, вырезанный из дерева, с янтарным ожерельем вокруг шеи – торчал из-за борта тридцатидвухвёсельной ладьи, только что вытасченной на песок. Ну и холод же был! Корабль был весь увешан сосульками, вёсла обледенели, и лёд сверкал на губах Виланда. Заметив меня, он сразу затянул длинную песню на своём языке – о том, как он будет править Англией и как дым от его алтарей будут вдыхать повсюду от Линкольншира до острова Уайт. А мне-то что! Я видел слишком много богов, вторгавшихся в Старую Англию, чтобы переживать из-за этого. Я дал ему допеть до конца, покуда его воины жгли деревню, а потом сказал (не знаю, как мне это пришло в голову): «Кузнец богов! Настанут времена, когда ты будешь торговать своим ремеслом на придорожной поляне, и я это увижу».

– И что ответил Виланд? – спросила Уна. – Он рассвирепел?

– О да! Он выпучил глаза и стал ужасно ругаться, а я ушёл, чтобы предупредить людей в других деревнях, дальше от берега. Но пираты всё равно завоевали этот край, и на несколько веков Виланд сделался самым главным богом. Его храмы стояли повсюду – от Линкольншира до острова Уайт, – как он и похвалялся, и жертвы ему приносились грандиозные. Всё же он предпочитал конские жертвы, а не людские – отдадим ему должное; но так или этак, я был уверен, что рано или поздно ему придётся расстаться с величием, как и другим Старым Богам. Я дал ему достаточно времени – около тысячи лет, и когда этот срок истёк, явился в его святилище возле Андувера, посмотреть, как там у него идут дела. Всё вроде было на месте: и алтарь, и кумир, и жрецы, и прихожане, и все казались вполне довольными – кроме самого Виланда и жрецов. В прежние-то времена прихожане успевали натерпеться страху, пока жрецы не выберут жертву. Ещё бы! И в этот раз смотрю: едва пропели молитву, как один из жрецов бросается в сторону, подтаскивает к алтарю какого-то человека и делает вид, что ударяет его по голове маленьким позолоченным топориком. А тот падает и притворяется умершим. Тут все закричали: «Жертва Виланду! Жертва Виланду!»

– А тому человеку и впрямь не сделали ничего плохого? – встревожилась Уна.

– Конечно нет! Всё было понарошку, как в кукольном театре. Потом они вывели великолепного белого коня. Жрец отрезал от его гривы и от хвоста по пряди волос, которые тут же сожгли на алтаре, и все вокруг закричали: «Жертва!» – как будто бы конь был взаправду убит. Я видел лицо бедного Виланда сквозь клубы дыма и не мог удержаться от смеха. Его аж скривило от отвращения и голода – не очень-то он насыщает, этот мерзкий запах горелых волос. Ну просто кукольное представление, да и только!

Я предпочёл ничего не говорить в тот раз (это было бы нечестно) и явился опять в Андувер ещё через несколько сот лет. Виланда и его храма уже не было, а была церковь, и в ней христианский епископ. Среди Народа С Холмов никто ничего не мог рассказать о судьбе Виланда, и я уж было подумал, что он покинул Англию...

Пак повернулся, облокотился на другую руку и малость призадумался.

– Дайте сообразить, когда же это было, – молвил он наконец. – Должно быть, спустя ещё несколько сот лет, за год или два до Нормандского завоевания. Я вернулся сюда, поселился в здешних Холмах и вот однажды вечером услышал, как старый Хобден толкует что-то о Виландовом броде.

– Если ты имеешь в виду старого Хобдена-сторожа, – перебил его Дан, – то ему всего семьдесят два года, он мне сам говорил. Мы с ним дружим.

– Совершенно верно, – подтвердил Пак. – Я имею в виду его прапра... в общем, прадедушку в девятом колене. Это был человек, занимавшийся вольным ремеслом угольщика. Я знал всю их семью, и отца его, и сына, так что порой можно и перепутать. Но сейчас я говорю о Хобе из Дена, что жил возле брода. Услышав о Виланде, я, конечно, сразу наострил уши и поспешил через лес (через Богвудский лес) к тому самому месту. – Он кивнул головой на запад, где долина сужалась, проходя между лесистыми склонами холмов и посадками хмеля.

– А, к Виллингфордскому мосту! – воскликнула Уна. – Мы ходим туда гулять. Там живёт зимородок.

– Но тогда ещё не было моста, голубка. А место называлось Виландсфорд, то есть Виландов брод. Туда вела дорога от Сигнальной горы вниз по склону холма – ну и скверная же была дорога! – а вокруг был дремучий лес, где водились олени. Вскоре я заметил пожилого грузного крестьянина верхом, направлявшегося в ту же сторону, что и я. Его лошадь потеряла подкову в какой-то рытвине; и вот, подъехав к Броду, он спешился, достал из кошелька пенни, положил его на камень, потом привязал лошадь к дубу и крикнул: «Эй, кузнец! Есть работёнка!» А сам сел под деревом, привалился спиной к стволу и задремал. Можете вообразить, что я почувствовал, когда из-за дуба вылез седобородый, старый кузнец в кожаном переднике и стал

подковывать захромавшую лошадь. Это был Виланд собственной персоной. Поражённый, я выскочил из кустов и спросил: «Ради всех богов! – что ты здесь делаешь, Виланд?»

– Бедный Виланд! – вздохнула Уна.

– Он отбросил со лба длинную прядь волос, взгляделся (видно, не сразу меня признал). А потом ответил: «Будто ты не видишь! Ты же сам предсказал мне это, старина. Вот – подковываю лошадей, подрабатываю маленько. Я больше не Виланд. Вейландом меня кличут, Придорожным Кузнецом».

– Бедняга! – воскликнул Дан. – Ну а ты что?

– Что я мог сказать? Он стоял передо мной, прихватив одной рукой лошадиное копыто. Потом зажмурился на миг и молвил с горькой улыбкой: «В прежние времена я бы даже в жертву не принял эту полудохлую клячу, а теперь подковываю её за медный пенни».

«Неужели ты не можешь, – спросил я, – вернуться назад в свою Валгаллу – или откуда там ты прибыл?»

«Боюсь, что нет, – отвечал он, подскабливая копыто. Он здорово умел обходиться с лошадьми. Старая лошадь умильно ржала, положив морду ему на плечо. – Видишь ли, старина, я был не очень-то милосердным в годы своей силы и славы. И не будет мне отпущения до тех пор, пока какой-нибудь из людей не поблагодарит меня от всей души».

«Но уж наверное тот крестьянин, которому ты постоянно подковываешь лошадь...» – предположил я.

«Если бы! – усмехнулся он. – Хотя мои гвозди держат подкову от одной полной луны до другой. Но здешние крестьяне холодны и неприветливы, как жижа Вильдских болот».

И точно: когда тот старик проснулся и нашёл свою лошадь подкованной, он и не вздумал сказать спасибо. Я так разозлился, что заставил его сбиться с дороги и протащиться назад до самой Сигнальной горы, чтобы научить старого грешника вежливости.

– Ты был невидим? – догадалась Уна. Пак кивнул с важным видом.

– В те дни на Сигнальной горе держали наготове разложенный костёр – на случай, если французы высадятся в Пэвенси. И я кружил и кружил его лошадь по бездорожью всю короткую летнюю ночь напролёт. Крестьянин решил, что его околдовали – в общем, так оно и было, – и принялся молиться и вопить во всю глотку. А мне-то что! Если б я был нечистой силой – а то ведь не больше, чем он сам... В общем, часа в четыре утра один молодой послушник вышел из монастыря, что стоял на вершине Сигнальной горы.

– Что значит «послушник»? – спросил Дан.

– Это значит человек, который готовится стать монахом. В те времена люди посылали своих детей в монастырь, как сейчас в школу. Этот парень уже несколько лет прожил во Франции и теперь завершал ученье в монастыре, поблизости от своего дома. Его звали Хью, и он как раз собирался на рыбалку. Их семейству, кстати, принадлежала вся земля в округе.

Хью услышал крики и спросил старика, с чего это он так расшумелся. Тот стал ему плести небылицы про эльфов, гоблинов и ведьм, хотя на самом деле – клянусь! – никого страшнее кролика в ту ночь он не видел. (У Народа С Холмов, так же как у выдр, привычка не показываться на глаза без особой нужды.) Но послушник-то был не дурак. Он взглянул на ноги лошади и заметил новые подковы, прибитые так, как это умел делать только Виланд (по-особому загибая гвозди, чтоб крепче держались).

«Гмм! Где это тебе лошадь подковали?» – поинтересовался он.

Крестьянин сначала что-то темнил – потому что монахи, само собой, не одобряли общения со Старыми Богами, но в конце концов признался, что лошадь ему подковал Придорожный Кузнец.

«Сколько же ты заплатил ему?» – спросил послушник. «Один пенни», – хмуро ответил старик. «Это меньше, чем взял бы христианин. Надеюсь, ты добавил к этому хотя бы спасибо?» – «Какое ещё спасибо! – буркнул крестьянин. – Да ведь он язычник!» – «Язычник или

не язычник, – возразил послушник, – но он помог тебе, а где помощь, там и благодарность». – «Что? – возмутился старик, вконец обозлённый ночными передрягами. – Что ты мне толкуешь, негодник этакий? По-твоему, я бы должен был сказать спасибо даже дьяволу, если бы он мне помог?!» – «Не стоит напрасно препираться со мной, – посоветовал послушник. – А лучше отправляйся к Броду и поблаговари Кузнеца, не то пожалеешь».

Крестьянин нехотя поворотил назад. Я (конечно, невидимый) вёл его лошадь, а рядом шёл послушник, неся на плече удочку, как копьё, и его длинная ряса волочилась по блестящей

от росы траве. Но когда мы добрались до Брода (было пять часов утра, и в лесу ещё стоял туман), старик опять заупрямился. Ему никак не хотелось говорить спасибо, и он грозил, что пожалуется самому аббату: дескать, послушник заставляет его поклоняться языческим богам. Тут уж Хью потерял терпение. «Слазь!» – крикнул он, ухватил крестьянина за жирную ногу и сдёрнул с седла на землю. А там, не давая опомниться, сграбастал невежу за шкурку и тряс его, как крысу, пока тот не выдавил из себя: «Спа-си-ибо, Придорожный Кузнец».

– А Виланд видел это? – спросил Дан.

– Видел, конечно. И был в полном восторге. Он даже издал свой старый воинственный клич, когда крестьянин шлёпнулся о землю. А послушник повернулся лицом к дубу и сказал: «Эй! Кузнец Богов! Мне стыдно за этого грубияна-деревенщину, но за всё, что ты сделал доброго и полезного ему и другим моим землякам, я благодарю тебя и желаю тебе всякого добра». Потом он подобрал свою удочку – в эту минуту она особенно походила на копьё – и потопал по тропинке вниз, к реке.

– Ну а что же Виланд?

– Он громко засмеялся от радости, ибо он был теперь свободен и мог уйти. Но честность (та, прежняя честность) не позволяла ему уйти просто так. Он сам зарабатывал себе на хлеб и умел платить долги. «Я одарю этого послушника, – сказал Виланд. – И мой дар сослужит службу и ему, и всей Старой Англии. А ну-ка, старина, раздуй мне огонь, а я покуда приготавливаю железо для своей последней работы». И я раздул ему огонь и поддерживал жар, пока он ковал. Клянусь Ясенем, Дубом и Тёрном, он действительно был Божественным Кузнецом, вещий Виланд! Он выковал меч и дважды закалил его в проточной воде, а в третий раз он закалил его в вечерней росе, и остудил его в лунном свете, и сказал над ним Волшебные Заклинания, и вырезал Пророческие Руны на блестящем клинке. «Смотри, старина, – сказал он мне, отирая пот со лба, – это лучший меч, когда-либо сработанный Виландом. Даже владеющий им не узнает никогда, как он хорош. Идём же теперь в монастырь».

Мы пришли в dormitorio, где ночевали монахи, и нашли послушника, крепко спавшего в своей келье. Виланд вложил меч ему в руку, и я помню, как юноша, не просыпаясь, сжал рукоять меча своей сильной ладонью. Потом Виланд зашёл в часовню и, с опаской преступив порог, швырнул на пол все свои кузнечные инструменты – молот, клещи и напильник – в знак вечного прощания со старым ремеслом. Грохот раздался такой, что монахи решили спросонок: не иначе как отряд французов ворвался в монастырь, – и со всех ног сбегались на шум. Первым в часовню, потрясая своим новым мечом и с саксонским кличем на устах, ворвался молодой послушник... Они увидели кузнечные инструменты на полу и сначала ничего не поняли, пока юноша не попросил позволения говорить и не поведал им про крестьянина, которого он встретил, про слова, с которыми он обратился к Придорожному Кузнецу, и про меч с Волшебными Рунами, неведомо как оказавшийся у него в руках среди ночи.

Аббат сперва покачал головой, но потом рассмеялся и молвил: «Сын Хью, и без всяких языческих богов с их вещими знаками очевидно, что монахом тебе никогда не стать. Возьми же свой меч, и храни свой меч, и ступай с ним в мир, и будь так же великодушен, как ты силен и справедлив. Мы же повесим инструменты Кузнеца перед алтарём, потому что, кем бы он ни был в прежние дни, мы знаем, что впоследствии он честно зарабатывал себе на хлеб и сам принёс этот дар матери нашей Церкви». И монахи отправились досыпать; лишь послушник до утра просидел в саду, разглядывая меч.

А Виланд распрощался со мной возле конюшен и сказал так: «Счастливо оставаться, старина, ты заслужил это. Ты видел, как я приплыл в Англию, теперь ты видишь, как я покидаю её. Прощай!»

И он зашагал по холму к опушке Дремучего леса – как раз напротив того места, где когда-то причалила его ладья, – и ещё с минуту я слышал, как он пробирался через заросли в сторону Хосбриджа; потом шаги смолкли. Вот и вся история, – я тому свидетель.

Ребята разом перевели дух.

– А что случилось потом с послушником Хью? – спросила Уна.

– И с его мечом? – добавил Дан.

Пак окинул взглядом луг, задремавший в большой и прохладной тени Волшебного Холма. Неподдалёку, возле стогов, раздавался скрипучий крик дергача, и форель мелкота резвилась в ручье. Большой белый мотылёк, вылетевший из кустов, неуклюже закружился над головой у ребят, и маленькое облачко тумана поднялось над водой.

– Вы и вправду хотите это знать?

– Очень! – воскликнули они в один голос. – Ужасно хотим!

– Хорошо же. Обещаю, что вы увидите то, что увидите, и услышите то, что услышите, если даже это случилось три тысячи лет назад; но теперь сдаётся мне, что вам пора домой, иначе вас хватятся и будут искать. Я провожу вас до ворот.

– А ты будешь здесь, когда мы придём снова?

– Ну конечно! – улыбнулся Пак. – Где мне ещё быть? Но сперва вот что... – Он протянул детям по три сложенных вместе листа: Ясень, Дуба и Тёрна. – Надкусите их, иначе вы можете проболтаться дома о том, что видели и слышали сегодня, и тогда (если только я что-нибудь понимаю в людях) вам сразу же вызовут врача. Ну, кусайте!

Они надкусили листья, и вдруг оказалось, что они идут по тропинке к полевой ограде, а там уж отец ждёт их, облокотившись на перекладину ворот.

– Как прошла пьеса? – спросил отец.

– Великолепно! – отозвался Дан. – Только потом мы уснули. Как-то вдруг разморило: было очень жарко и тихо.

Уна кивнула в знак согласия.

– Понятно, – сказал отец. – Это как в песенке о Марго, вернувшейся поздно домой:

И ничего припомнить
Девушка не могла:
Ни что она видала,
Ни где она была.

Кстати, дочка, что за листики ты так упорно жуёшь?

– Сама не знаю. Это, наверное, *мышинально*. О чём-то я задумалась, а о чём, забыла...

И так всё забылось – до поры до времени.

Деревья Англии

Наш добрый край, наш древний край
На деревья не скуп,
Но три из них – древней иных:
То Ясень, Тёрн и Дуб.
О, Старой Англии краса,
Наш Ясень, Дуб и Тёрн!
Густа их тень в Иванов день,
И свеж зелёный дёрн.

Дуб вековой шумел листвою
Во времена Энея,
И видел Брут, как Ясень в пруд

Гляделся, зеленея,
А дикий Тёрн следил, востёр,
Взобравшись на откос,
Как, Новой Троей наречён,
Вдоль Темзы город рос...

Из тиса выйдет добрый лук,
А из ольхи – подмётки,
Для кубка нужен твёрдый бук,
А клён хорош для лодки.
Но хмель иссяк, истёрт башмак,
Окончен ратный труд —
И снова Ясень, Тёрн и Дуб
Домой тебя зовут.

Коварен вяз в лесах у нас:
Он людям козни строит,
Возьмёт да вдруг уронит сук —
Лежать под ним не стоит!

Но будь ты зноем истомлён
Иль попросту хмелён,
Охотно Ясень, Дуб и Тёрн
Посторожат твой сон.

Сосед, смотри не говори
Священнику про это:
Мы в день Иванов до зари
В лесу встречали лето.
И хлебный год, и тучный скот
Приметы нам сулят:
Так солнцу Ясень, Дуб и Тёрн
Прошелестели в лад.

В ненастный день и в ясный день,
В жару, и в дождь, и в снег
Да будут Ясень, Дуб и Тёрн
И Англия – навек!

Молодёжь в поместье

Несколько дней спустя Дан и Уна удили рыбу в Мельничном ручье, который за долгие века проложил себе глубокое русло в мягкой почве долины. Сомкнувшиеся кронами деревья образовали над ним длинные туннели, и солнечные лучи, проникая сквозь листву, ложились пятнами и лентами на воду, на песчаные и галечные отмели, на старые корни и стволы, покрытые мхом или красноватым ржавым налётом. Бледные наперстянки тянулись к свету, там и сям росли купы папоротников и других тенелюбивых и влаголюбивых растений и цветов. В глубоких местах между перекатами плескались форели, и весь ручей был похож на цепь прудков, соединённых между собой мелкими журчащими протоками; лишь в половодье он превращался в один мчащийся поток мутной весенней воды.

Это было одно из их любимых мест, тайное рыболовное угодье, которое в своё время показал ребятам старый Хобден-сторож. Если бы не лёгкое щёлканье удилища, задевавшего при взмахе низкие ветви ивы, да не судорожное подёргивание листьев ольхи, за которую изредка цеплялась леска, никто бы и не догадался, что происходит там, под берегом, у Форельего омута.

– С полдюжины уже есть, – сказал Дан примерно через час этого мокрого и увлекательного занятия. – Пора менять место. Пошли теперь в Каменистую бухту, к Большому пруду.

Уна кивнула – она вообще предпочитала разговаривать кивками, – и они выбрались из сумеречного туннеля к маленькой плотине, которая превращала ручей в полноводный пруд, пригодный для мельничной работы. Берега там были низкими и голыми, и послеполуденное солнце так сверкало на глади воды, что глазам делалось больно.

Но, выбравшись на открытое место, они чуть с ног не свалились от удивления. Перед ними, по колено в пруду, стоял огромный серый конь с пышным хвостом. Он пил воду, и круги, расходившиеся от его морды, сверкали точно жидкое золото. Пожилой седобородый человек, сидевший на коне, был одет в блестящую кольчугу, у седла висел остроконечный железный шлем. Поводья из красной кожи, пяти или шести дюймов в ширину, были украшены зубчатой каймой, а высокое седло с красными подпругами дополнительно крепилось кожаными шлеями спереди и подхвостниками сзади.

– Гляди! – шепнула Уна, как будто Дан и так не глядел, вытаращив глаза. – Точь-в-точь как на картине у тебя в комнате: «Сэр Айзамрас у брода».

Всадник обернулся к ним, и его длинное, худое лицо оказалось таким же ласковым и добродушным, как у того рыцаря на картине, который перевозил детей через реку.

– Сейчас они появятся, сэр Ричард! – донёсся голос Пака из гуши лозняка.

– Они уже здесь, – отозвался рыцарь, с улыбкой глядя на Дана, державшего в руке связку форелей. – Я вижу, дети совсем не изменились с тех пор, как мои собственные ребяташки удили рыбу на этом самом месте.

– Если ваш конь уже напился, то, я думаю, нам будет удобней расположиться на лугу – там, где в прошлый раз, – сказал Пак, подмигнув детям так, будто это не его колдовством им отшибло память на целую неделю.

Огромный конь повернулся и в несколько прыжков выбрался на берег, ободрав копытами дёрн.

– Прошу прощения! – сказал сэр Ричард, обращаясь к Дану. – Когда эти земли были моими, никому не разрешалось пересекать ручей верхом, кроме как по броду, мощённому камнями. Но мой Орлик хотел пить, и я торопился, чтобы встретиться с вами.

– Ничего страшного, сэр, – откликнулся Дан. – Поверьте, мы очень рады видеть вас.

Он двигался вприпрыжку рядом с конём, с той стороны, где у рыцаря висел меч, – это был тяжёлый старинный меч с железной рукоятью. Уна с Паком поспешали сзади. Она теперь всё ясно вспомнила.

– Извиняюсь за ту шутку с листьями, – сказал Пак. – Однако, если бы вы проболтались дома, было бы ещё хуже, верно?

– Пожалуй, – согласилась Уна. – Но ведь ты говорил, что все эльфы – ну, то есть Народ С Холмов, – что они покинули Англию?

– Так и есть. Но разве я не обещал, что вы узнаете и воочию увидите всё, что было прежде? Да и этот рыцарь вовсе не эльф. Он пришёл в Англию вместе с Вильгельмом Завоевателем, и он очень хотел познакомиться с вами.

– Почему именно с нами? – удивилась Уна.

– Из-за вашей мудрости и обширных познаний, – отвечал Пак не моргнув глазом.

– Наших познаний?! Да я и с умножением на девять не очень-то справляюсь, а Дан всё время запутывается с дробями. Наверное, он совсем не нас имел в виду...

– Уна! – перебил её Дан. – Сэр Ричард желает нам поведать, что случилось потом с мечом Виланда. Вот он висит у него на поясе. Дивный меч, не правда ли?

– Нет-нет! – возразил сэр Ричард, сходя с коня, ибо они уже добрались до Ведьминого Круга неподалёку от излучины ручья. – Не я, а вы должны мне многое поведать. Говорят, что ныне даже малыши в Англии знают больше, чем учёные книжники в мои времена.

Он вынул удила из зубов Орлика, снял с него красную, как рубин, уздечку и отпустил умного коня пастись по лугу. Затем сэр Ричард (они заметили, что он немного прихрамывает) отстегнул с пояса свой длинный меч.

– Это тот самый меч, что Придорожный Кузнец подарил послушнику, – молвил рыцарь. – В первый раз, когда Хью хотел отдать его мне, я отказался; но в конце концов он перешёл в мои руки. Это случилось после схватки с таким врагом, с каким ещё не сражался ни один рыцарь во всём крещёном мире. Смотрите! – Он вытащил свой меч до половины из ножен и повернул его. Чуть пониже рукояти, там, где Вещие Руны трепетали как живые, на тусклой стали виднелись две глубокие выемки – по одной с каждой стороны.

– Ну, чья это отметина? – спросил он. – Вы-то должны мне ответить.

– Расскажите им всё с начала, сэр Ричард, – вмешался Пак. – Как-никак это имеет отношение к их земле.

– Да, пожалуйста, с самого начала! – взмолилась Уна. Её разбирало любопытство, к тому же доброе лицо и улыбка рыцаря слились для неё с образом «Сэра Айзамраса у брода».

Они уселись слушать, в то время как серый конь щипал траву неподалёку, за краем Круга, и шлем, привязанный к седлу, позвякивал каждый раз, когда он вскидывал морду.

– Ну что ж! С начала, так с начала, – сказал сэр Ричард, поглаживая меч широкой ладонью. – Расскажу, так и быть, тем более раз это касается вашей земли. Когда наш герцог Нормандский собрался завоёвывать Англию (которую считал своим наследством), многие знатные бароны последовали за ним, так как он обещал им земли в награду, а мелкие рыцари последовали за баронами. Я был родом из небогатой семьи, но славный рыцарь из дома Орла – Энжерар де Акила, приходившийся родичем моему отцу, последовал за графом Монтенем, который последовал за герцогом Вильгельмом; и я последовал за де Акилой. Так, с отцовской дружиной из тридцати человек и с новым мечом – трёх дней не прошло, как меня посвятили в рыцари! – я отправился покорять Англию. Я ещё не знал, что Англия в конце концов покорит меня самого. Огромное войско собралось. Мы высадились на берег и вскоре подошли к Сантлейку...

– Это он о битве при Гастингсе, тысяча шестьдесят шестой год? – шёпотом спросила Уна, и Пак молча кивнул, чтобы не прерывать рассказ.

– В Сантлейке, вон за той горой, – он указал на юго-запад, в направлении Фэрлайта, – мы встретились с войском Гарольда. Целый день шла битва, и на закате они бежали. Многие,

в том числе и мои люди, пустились в погоню, надеясь захватить пленных и добычу. В одной из мелких стычек был убит Энжерар де Акила, и его сын, Гилберт, подхватил знамя и увлёк вперёд его людей. Я узнал об этом позже. Мой Орлик был ранен в бок, и я остался сзади, чтобы промыть его рану водой из ручья. Тут-то на меня и налетел этот саксонец. Он вызвал меня на бой, и хотя его голос показался мне знакомым, времени на раздумье не было. Мы сразились, и долгое время ни один не мог одолеть другого. Но ему не повезло: он неожиданно поскользнулся и выронил меч. Сами понимаете, я только что был посвящён в рыцари и более всего на свете боялся нарушить правила чести и благородства. Разумеется, я удержал свой удар и попросил своего противника подобрать меч и вновь изготовиться к бою. «Чёрт побери этот меч! – воскликнул он. – Из-за него я проиграл свой первый бой. Ты пощадил меня. Возьми же его себе». Он хотел передать мне своё оружие, но едва я протянул к нему руку, как меч застонал, будто раненый, и я отпрыгнул назад с криком: «Колдовство!»

Ребята с опаской взглянули на меч, как будто он снова мог заговорить.

– Внезапно, – продолжал сэр Ричард, – откуда ни возмись появилась целая ватага саксонцев, и, увидев одинокого нормандца, они хотели меня убить, но мой противник заявил, что я его пленник, и решительно прогнал их прочь. Он помог мне сесть на коня и лесными тропами привёл в эту долину.

– Вот в эту, где мы сейчас сидим? – переспросила Уна.

– В эту самую. Мы пришли сюда через Нижний брод, вдоль склона Королевского холма. – И он указал рукой на восток, где долина становилась шире.

– И этот саксонец был тем самым послушником Хью? – догадался Дан.

– Да. И более того – оказывается, мы с ним провели вместе три года в Бэкском монастыре под Руаном, пока... – тут сэр Ричард весело хмыкнул, – пока аббат Эрлуин не выгнал меня оттуда.

– За что же это? – поинтересовался Дан.

– Да за то, что я въехал верхом в трапезную, когда там обедали монахи, и этим самым доказал саксонским ученикам, что мы, нормандцы, не боимся аббата. По правде сказать, Хью меня на это и подбил. Мне сразу показался знакомым его голос, прозвучавший из-под шлема; и хотя между нашими правителями шла война, мы ужасно обрадовались, что не убили друг друга. Он рассказал мне, как какой-то языческий бог подарил ему этот меч, но признался, что в первый раз слышал, как меч подаёт голос. Помню, я его предостерег от колдовства и злых чар. – Тут сэр Ричард улыбнулся. – Я был молод тогда – очень молод.

Когда мы добрались до его дома, мы совсем позабыли, что пару часов назад сражались как враги. Было уже около полуночи, и в Большом Холле собралось множество людей, ждущих вестей о битве. Там я и увидел впервые его сестру, леди Илуэву, о которой он мне рассказывал ещё во Франции. С яростным криком она набросилась на меня и чуть не велела повесить, но брат рассказал ей, что я пощадил его в сражении (умолчав о том, как сам спас мне жизнь) и что герцог Вильгельм одержал победу. Пока они спорили, Хью внезапно ослабел от ран и упал без чувств.

«Это ты виноват!» – бросила мне леди Илуэва. Она наклонилась над братом и велела принести вина и холст для перевязки.

«Если бы я знал, что он ранен, – отвечал я, – я бы уступил ему лошадь и пошёл пешком. Но он сам заставил меня сесть верхом, он ни на что не жаловался, наоборот – шёл рядом и весело беседовал всю дорогу. Клянусь, что я не сделал ему никакого зла».

«Молись, злодей, – сказала она, не слушая меня и гневно сжимая губы, – если он умрёт, ты будешь повешен».

Раненого отнесли в его комнату, а меня трое рослых слуг крепко связали и, надев петлю на шею, перекинули другой конец верёвки через стропила. Сами же подсели к огню и стали колоть орехи рукоятками кинжалов, ожидая известий о хозяине: умер он или жив.

– Интересно, как вы себя чувствовали в это время? – спросил Дан.

– Я чувствовал себя смертельно усталым, тем не менее я от всей души молился за здоровье своего школьного приятеля Хью. Около полудня застучали копыта множества лошадей, и мои сторожа, развязав меня, бросились вон из дома. Это прискакал отряд де Акилы. Вместе с ними был сам Гилберт де Акила, он, подобно своему отцу, особенно гордился тем, что никогда не оставлял своих людей в беде. Будучи маленького роста, в отца, но грозен видом, с крючковатым, орлиным носом и жёлтыми пронзительными глазами, он всегда ездил на рослых конях-руанцах, которых сам разводил, – но никому не позволял помогать себе, когда садился в седло. Он увидел петлю, свешивавшуюся со стропил, и расхохотался; я же слишком задеревенел от верёвок, чтобы сразу встать на ноги.

«Не слишком весёлое развлечение для нормандского рыцаря, как я погляжу, – заметил он, – но спасибо и на этом. Надеюсь, мой мальчик, ты укажешь мне на тех, кому ты обязан этим милым обхождением, и мы расплатимся с ними прямо на месте».

– Что это значит? Он хотел убить их? – спросил Дан.

– Разумеется. И тут я увидел леди Илуэву со служанками и её брата, стоявшего рядом. Солдаты де Акилы притащили их всех в Большой Холл.

– Она была красивая? – спросила Уна.

– Во всю свою жизнь я не встречал женщины, достойной расстелить тростник перед моей леди Илуэвой, – просто и спокойно ответил сэр Ричард. – И вот, взглянув на неё, я подумал, что, может быть, шутка может спасти и леди, и всех её домочадцев.

«Учитывая то, что я явился неожиданно и без предупреждения, – ответил я де Акиле, – приём был, на мой взгляд, достаточно любезным». Но голос у меня чуть-чуть дрогнул. Нешуточное это было дело – шутить с воином из дома Орла.

На несколько секунд тяжёлое молчание повисло над залом. Потом де Акила снова расхохотался.

«Ну и чудеса! – молвил он, обращаясь к отряду. – Сражение едва закончилось, моего отца только что похоронили, и вот – нате вам! – наш самый юный рыцарь уже обосновался в саксонском поместье, причём нашёл у своих друзей (как легко судить по их надутым лицам) отменный приём и гостеприимство! Клянусь всеми святыми, – продолжал он, потирая нос, – не думал я, что Англию будет так просто завоевать. Что же мне остаётся? Конечно, отдать этому парню то, чем он уже и сам завладел. Поместье – твоё, рыцарь. Владей им, пока я не вернусь... или пока тебя не убьют. Ну, ребята, нам пора! По коням – и вперёд! Последуем за герцогом в Кент – за нашим герцогом, который завтра станет королём Англии!»

Он увлёл меня за собой к дверям, куда ему уже подвели коня – сухоногого руанского жеребца, чуть повыше моего Орлика, только сбруя у того была похуже.

«Запомни вот что, – сказал он, вертя в руках большие боевые рукавицы. – Это место – настоящее осиное гнездо. Если тут тебя не укокошат, как моего отца, не спялят вместе с домом и не разграбят, то через месяц, когда я вернусь, ты получишь это поместье в своё владение. Герцог обещал графу Монтеню все земли в Пэвенси, и граф, конечно, не откажет дать мне то, что он дал бы моему отцу. Бог знает, доживём ли мы до дня, когда Англия будет покорена, а пока запомни: распря и война – вздор, а ум и смекалка – это всё».

«Увы, смекалки-то мне и не хватает».

«Ничего, научишься, – сказал он, трогая поводья и пяткой толкая коня под брюхо. – Учителя у тебя будут неплохие. Прощай! Удержишь поместье – твоё счастье. Погибнешь – туда тебе и дорога!» И он поскакал со двора, погромыхивая щитом, привязанным сзади к седлу.

Вот так, милые мои, я и остался в поместье с маленьким отрядом в тридцать человек, сам ещё почти мальчишка, в первый раз побывавший в бою два дня назад. Не зная ни страны, ни языка людей, среди которых очутился, я должен был удержать поместье, которое у них же и захватил.

– И это было здесь, где мы сейчас живём? – спросила Уна.

– Именно здесь. От Верхнего брода (того самого Виландова брода) до Нижнего брода возле Бель-Алле всего будет около полулиги с запада на восток, а с севера, от горы Брананбург, на юг – целая лига. И вокруг сплошные леса, кишачие солдатами, бежавшими после битвы при Сантлейке, саксонскими разбойниками, нормандскими мародёрами, грабителями и браконьерами. Воистину осиное гнездо!

Когда де Акила уехал, Хью хотел поблагодарить меня за то, что я спас им жизнь, но леди Илуэва заявила, что я хотел только завладеть их поместьем.

«Откуда я мог знать, что де Акила передаст его мне? – возразил я. – Если бы я рассказал ему, что провёл ночь с петлёй на шее, он бы дважды спалил этот дом!»

«Если бы кто-нибудь надел мне на шею петлю, – воскликнула она, – я бы трижды спалила его дом без всяких разговоров!»

«Но это была женщина», – заметил я, улыбнувшись.

«Смейтесь, – сказала она, и слёзы брызнули из её глаз, – вы можете себе позволить смеяться над беззащитной пленницей».

«Леди, – отвечал я, – здесь нет пленников. А если и есть один, то он не саксонец».

Тогда она крикнула, что я нормандский вор, лживый и лстивый, который явился, чтобы выгнать её из дома просить милостыню на дорогах. Да, да, клянчить милостыню!

«Это легко опровергнуть, – сказал я, не на шутку уязвлённый её словами. – Клянусь на рукояти своего меча, что я не переступлю порога этого дома до тех пор, пока сама леди Илуэва не пригласит меня сюда».

Она ушла, не сказав больше ни слова, и я покинул Большой Холл, сопровождаемый Хью, который вышел вслед за мной, прихрамывая и что-то грустно насвистывая себе под нос по английской привычке.

Тут мы и наткнулись на трёх саксонцев, что накануне собирались меня повесить. Но теперь они сами были связаны моими солдатами, и с полсотни слуг и крестьян из поместья молча и угрюмо толпились вокруг, ожидая того, что произойдёт. Трубы де Акилы ещё были слышны в лесах, стихая по мере того, как они удалялись в сторону Кента.

«Ну что, вздёрнуть их?» – спросили меня солдаты.

«Тогда ввяжутся остальные и начнётся свалка», – вполголоса предупредил меня Хью. Я попросил его задать вопрос тем троим, на какую милость они рассчитывают.

«Не на что нам рассчитывать. Мы собирались повесить тебя, если бы наш хозяин умер. И повесили бы. Что тут ещё говорить!»

Пока я стоял в раздумье, внезапно из дубовой рощи на склоне Королевского холма выбежала крестьянка и закричала, что какие-то нормандцы угоняют свиней из деревни.

«Нормандцы они или саксонцы, – сказал я, – но их нужно проучить, иначе они повадятся грабить нас каждый день. Хватайте у кого какое оружие, и вперёд на разбойников!»

Трое здоровяков были развязаны, и мы вместе ринулись в погоню – я с отрядом солдат и Хью со своими саксонцами, вооружёнными топорами, мотыгами и луками, которые они прятали в соломенных кровлях своих домов. Грабителей мы настигли быстро, во главе их был плут из Пикардии – маркитант, торговавший вином в войске герцога: со щитом убитого рыцаря, верхом на краденой кобыле, он командовал дюжиной таких же никчёмных плутов, охочих погулять на дармовщину. Мы отбили у них своё стадо: сто семьдесят боровов, свиней и подсвинков было спасено в этой великой битве.

Сэр Ричард довольно ухмыльнулся:

– Так мы впервые выступили заодно; и я велел сообщить всем людям в округе, что каждому, кто украдёт хотя бы яйцо из курятника, кто бы он ни был, нормандец или саксонец, придётся иметь дело со мной. В тот день, когда мы возвращались домой, Хью сказал мне: «Сегодня ты сделал первый шаг к завоеванию Англии».

«Пусть она будет общей, моей и твоей, – ответил я. – Помоги мне поладить со здешними людьми, Хью. Растолкуй им, что если я буду убит, де Акила пришлёт худшего человека на моё место».

«Пожалуй что, так, – сказал Хью, протягивая мне руку. – Как говорится, знакомый чёрт лучше незнакомого... покуда мы не спровадили домой всю вашу братию без разбора».

Так же решили и другие саксонцы. Они посмеивались, гоня своих свиней домой. Мне кажется, что уже тогда лёд между нами был сломан.

– Честное слово, мне нравится брат Хью! – промолвила Уна.

– Ещё бы! – подтвердил сэр Ричард. – С тех пор как свет стоит, не бывало другого такого безупречного, отважного, благородного и мудрого рыцаря. В первый же день он повесил свой меч – вот этот самый меч – на стену в Большом Холле, ибо считал его по праву и по чести моим, и ни разу не снимал его, покуда не вернулся де Акила (как я о том поведаю позже).

Три месяца его и мои люди сообща охраняли долину, покуда все бродяги и грабители не усвоили хорошенько, что здесь их не ждёт ничего хорошего, кроме доброй взбучки и пенько-

вой верёвки. Три месяца мы отбивали набег то воровских шаек, то безземельных рыцарей, рыскающих в поисках подходящего поместья, – иногда приходилось вступать в бой чуть ли не каждый день! – пока в округе не установились наконец мир и спокойствие. Тогда, посоветовавшись с Хью и полагаясь на его помощь, я решил заняться вплотную хозяйственными делами, как это подобает хозяину поместья.

И тут я натолкнулся на странные вещи. Чудные люди эти англичане! Не раз и не два я наблюдал, как Хью и какой-нибудь бедняк-крестьянин принимались ожесточённо спорить: с чего следует, по местным обычаям, начинать то или иное дело. Тут же в спор вступали старики и, бросив все другие дела (даже мельницу могли остановить, не dokonчив помола), начинали судить да рядить, как оно будет лучше поступить по обычаю да по старине. И уж коли старики решали, тут и спору конец – пусть это даже было вопреки желанию Хью или против его выгоды. Удивительно!

– Да, так оно и было, – вставил Пак. – Обычаи Старой Англии возникли задолго до Нормандского завоевания, и с ними ничего не удалось поделаться пришельцам, сколько они ни старались.

– Да я, в общем, и не старался. Я не мешал саксонцам блюсти их заведённые от века порядки. Лишь иногда, когда один из моих собственных людей, и полугода не проведя в Англии, вдруг начинал оправдываться, ссылаясь на какой-нибудь старый местный обычай, вот тут я порой не выдерживал!.. Да, славные были деньки! И славные люди – я любил их всех, прах меня побери!

Старый рыцарь раскинул в стороны руки, точно желая обнять всю эту милую его сердцу долину, и, заслыша звон кольчуги, Орлик вскинул голову и сдержанно, негромко заржал.

– И вот, спустя целый год этих забот и трудов, вернулся наконец де Акила. Он приехал один, без предупреждения. Появился он со стороны Нижнего брода, везя перед собой на луке седла мальчишку-подпаса.

«Можешь не отчитываться передо мной о своих делах. Этот парень мне всё рассказал. Он остановил меня у брода и, размахивая своей хворостинкой, объявил, что дальше чужакам прохода нет. Ну уж если дерзкого безоружного мальчишки достаточно, чтоб охранять границу поместья, значит дела у тебя идут неплохо, – заключил он и потрепал по щеке мордастого подпаса. – Упитанный мальчуган! Да и скот, который пасётся у реки, тоже в теле. Вот что значит ум и смекалка. Помнишь, что я говорил тебе при отъезде?»

«Удержишь поместье – твоё счастье, погибнешь – туда тебе и дорога».

«Точно. И ты справился. – Он соскочил с седла и остриём меча вырезал квадратный кусок дёрна. – Держи!» И тогда, опустившись на колено, я принял эту землю как должно – из рук в руки.

Дан с Уной молча переглянулись.

«Отныне по обычаю и по закону ты владеешь этим поместьем, сэр Ричард. – В первый раз он назвал меня так. – Отныне и навеки оно принадлежит тебе и твоим потомкам. Само собой, королевские писцы напишут тебе впоследствии грамоту на пергаменте. Англия теперь наша, – если только мы сумеем её удержать».

«В чём же будут состоять для меня служба и долг?» – спросил я, безмерно гордый словами де Акилы.

«Обычный вассальный долг, мой мальчик, рыцарский долг, – отвечал он, прыгая вокруг коня с одной ногой, вдетой в стремя. (Я уже говорил, что он, будучи невысокого роста, терпеть не мог, чтобы его подсаживали в седло.) – По первому моему повелению ты должен будешь выставить шесть верховых воинов и двенадцать пеших лучников. И ещё... Откуда у вас такая колосистая, высокая пшеница? – спросил он, поглядывая на созревающие хлеба. – Никогда не видал я такой доброй пшеницы. Будешь присылать мне ежегодно по три мешка этого зерна на

семена. И, кроме того, в память нашей прошлой встречи ты будешь раз в год принимать меня и моих людей в Большом Холле с верёвкой на шее и угощать нас два дня подряд».

«Увы! В таком случае я уже лишился права на поместье. Ибо я дал обет не переступить порога Большого Холла». – И я поведал ему о клятве, которую дал леди Илуэве.

– И вы ни разу не нарушили этой клятвы? – спросила Уна.

– Ни разу, – улыбнулся сэр Ричард. – Я построил небольшую бревенчатую хижину на холме, там я вершил суд и там же спал...

«Ничего! – крикнул мне де Акила, отъезжая и погромыхивая на ходу щитом. – Ничего, я снимаю с тебя на первый раз эту повинность».

– Это значит, что он отменял пир в Большом Холле на первый год, – объяснил Пак.

– Итак, де Акила поселился вместе со мной в моей хижине, и Хью, который умел писать и вести хозяйственные записи, показал ему Книгу Поместья, куда были вписаны все угодья и все имена крестьян. Де Акила во всё вникал и задавал множество вопросов о земле, лесных порубках, рыбной ловле, мельнице и о каждом человеке в округе, чем он живёт и чего стоит. Но ни разу он не произнёс даже имени леди Илуэвы и близко не подошёл к дверям Большого Холла.

Вечера мы проводили за выпивкой в моей хижине. Бывало, он сидел на куче соломы с кубком в руке, весь взъерошенный, как орёл, и, быстро вращая жёлтыми глазами, налетал с вопросами то на одного, то на другого. Ход его мыслей был так стремителен, что мы не сразу за ним поспевали: он часто говорил загадками и притчами, а порой раздражался, как сам король Вильям, и тыкал нам в рёбра ножами меча, проклиная нашу непонятливость.

«Эх, что за нелепые времена! – говаривал он. – Не вовремя я родился. Живи я пятьсот лет назад, я бы сплотил Англию так, что ни датчане, ни саксонцы, ни нормандцы не завоевали бы её. Живи я пятьсот лет спустя, я стал бы таким советником королей, каких ещё не было и не будет в мире. Всё это вот здесь! – постукивал он по своей большой лохматой голове. – Да кому это нужно в наши смутные времена!.. А ведь Хью куда больше мужчина, чем ты, Ричард!» – Голос его был хрипл и отрывист, словно карканье вороны.

«Это правда, – согласился я. – Если бы не Хью, его заботы, труды и терпение, я бы не сохранил поместья».

«Как и своей жизни, – добавил де Акила. – Хью спас её не один раз, а тысячу раз. Ну-ка, спроси его, Ричард, почему он до сих пор спит не дома, а вместе с твоими нормандскими воинами?»

«Чтобы быть поближе ко мне», – ответил я простодушно, потому что именно так и думал.

«Глупец! – усмехнулся де Акила. – Саксонцы подговаривают его подняться на чужаков и выместить отсюда всех нормандцев до единого. Не важно, откуда я знаю. Знаю, и всё. И вот Хью добровольно сделал себя заложником ради твоей безопасности – зная, что, если что-нибудь с тобой случится, твои нормандцы прикончат его без всякой жалости. И саксонцы это знают. Что, Хью, разве не так?»

«Отчасти, – краснея, отвечал Хью. – По крайней мере, так было полгода назад. Теперь же, по-моему, мои саксонцы не питают зла к Ричарду. Но я рассудил, что пока – на всякий случай...»

«Вот так! – перебил его де Акила. – И этот человек не имеет даже меча! – Он указал на пояс Хью, который – помните, я говорил? – не носил меча с того самого дня, когда он вылетел из его руки в битве при Сантлейке. Он был вооружён лишь коротким кинжалом и луком. – Ни рыцарского меча, ни земли нет у тебя, Хью, а ведь тебя называют родичем графа Гудвина. Поместье, которое было твоим, перешло навеки к этому юнцу и его потомкам. Что тебе остаётся? Прислуживать на задних лапах, чтобы тебя не выгнали вон, как собаку».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.